

*доктор филологических наук,
доцент кафедры русской
литературы
филологического факультета
Казанского (Приволжского)
федерального университета*

Г. Кочеткова

*аспирант кафедры
русской литературы
филологического факультета
Казанского (Приволжского)
федерального университета*

ОССИАНИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ПОВЕСТИ О. М. СОМОВА «КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ»

Языческая мифология в культурном сознании славянских народов играет значительную роль. Обращение к дохристианским верованиям славян позволяет раскрыть духовную культуру, особенности менталитета и мировоззренческие основы представлений древних славян. С этой позиции организовать все в новую систему помогали европейский оссианизм, который создал одну из первых литературных теорий народности, провозгласил возвращение каждой страны к своему Прошлому.

Оссианизм – одно из первых в литературе Нового времени рубежа XVIII-XIX вв. явлений, обратившееся к фольклору в национальном смысле. «Мифы стали осознаны как Правда (с большой буквы) и как создание Народа (тоже с большой буквы)» [6, с. 8].

Поэмы Оссиана-Макферсона, вышедшие в Англии в 60-е годы XVIII века, произвели сильное впечатление на читателей и сыграли заметную роль в литературе. В этой поэзии: проникали в героическое прошлое; любовались батальной живописью; наслаждались символикой ночи, суровыми северными пейзажами, туманами, дубовыми рощами; находили упоение сладкой, нежно-трогательной меланхолией.

«Вслед за Западной Европой и у нас с 80-х гг. XVIII в. проявляется интерес к Оссиану.... Возникает постепенно русский оссианизм, являющийся предвестником более сложного романтического течения» [2, с. 4].

Героико-эпическая направленность оссианизма, его обращение к историко-культурным корням попали в России в русло близких идей. Русский оссианизм во многом наследует черты западного оссианизма.

Среди основных концептов можно выделить следующие:

- мрачный пейзаж, преимущественно ночной и туманный, залитый таинственным лунным светом, облаченный мхами, покрытый дубравами и хвойными лесами;
- философия бури с бушующими, кипящими пучинами, ревущими, порывистыми ветрами, характеризующая шаткость мироздания;
- упоение сладостью скорби, где скорбь воспринимается как трепетное чувство, приводящее в некоторое уныние, но всегда нежное и трогательное. Уныние подобного рода питает душу, а пребывание в мрачных мечтаниях и представлениях нравится и увлекает;
- упоение смертью. Смерть воспринимается как возвращение в нетленное мифологическое Прошлое;

- глубокая меланхолия, открывающая человеку путь возврата к самому себе, размышлениям о трагических сторонах жизни, о путях внутреннего преодоления тягот;
- поэтика ужасного, грозного, создающая мистическое настроение, ощущение постоянного присутствия чего-то грозного и страшного;
- героика, где на первый план выдвигаются сильные и мужественные герои, живущие по кодексу Чести, любви к Отечеству;
- проблема покаяния как основное в славянском оссианизме, отражающее менталитет славянских народов;
- национально-историческое прошлое как «пленительная унылость». Отражает в себе возвращение к историческим корням, возбуждает интерес к своему прошлому, черпает в нем вдохновение, является идеалом.

В литературе русского предромантизма и раннего романтизма наиболее интенсивно осваивалась древнеславянская мифология. «Оссиан служил, таким образом, неким подспорьем при освоении русскими поэтами отечественного народного творчества. А это имело и обратное последствие: в родном фольклоре они искали формы для пересоздания поэм шотландского барда на русском языке» [1].

Одним из важных интересных примеров с конца XVIII века становятся украинские вариации славянского оссианизма (поэмы В. В. Капниста, лирика и поэмы Н. И. Гнедича, поэмы и сатиры Н. Котляревского).

Среди писателей-романтиков на этой волне выделился О. Сомов. Исследуя украинскую культуру, автор стремился уловить и воссоздать в своих произведениях картину народного сознания, которую он «... ищет и находит в сплетении народных поверий и народнопозитических идеалов правды и справедливости» [3].

«Обращение к Украине, с ее героическим прошлым, с ее поэтическими народными песнями, определяло и характер творческой деятельности самого Сомова и тот интерес к украинскому быту и фольклору, который в 20–30-х годах сказался в появлении ряда произведений, посвященных украинским темам, и столь ярко проявился в творчестве раннего Гоголя» [7, с. 515].

В сравнении с предшествующей доминирующей традицией Сомов отказывается от условно-идиллического изображения Украины. Яркость рисуемых характеров, речи, быта Малороссии обнаруживает в творчестве писателя тенденцию к воссозданию колорита эпохи, вплоть до деталей: «Наш отчетливый век требует в описаниях существенности, а не мечтательности, в картинах верности красок, а не изнеженности, и в эпитетах точности, а не натяжки» [5].

С начала 1818 года О. Сомов сотрудничает в Вольном обществе любителей российской словесности. Неизменным вниманием в данном литературном объединении пользовался Оссиан, что не могло, в свою очередь, не оказать влияние на литературные взгляды Сомова.

«В своих «малороссийских повестях» – «Гайдамак», «Русалка», «Клады», «Киевские ведьмы» и др. – Сомов стремился передать своеобразную картину украинского быта и нравов, народные поверья, легенды, местный бытовой колорит и язык» [7, с. 515].

Мы более подробно остановимся на повести «Киевские ведьмы» (1833).

В основе повести «Киевские ведьмы» О. Сомова – судьба удалого казака Федора Блискавки и молодой ведьмы Катруси Ланцюговны. Сомов переплетает элементы мифологии, национальной сказки и реальности, создавая таким образом неповторимый цельный малороссийский колорит.

В произведении сталкиваются языческий мир и христианская мифология, что также стало одной из основ оссианизма.

Безумная демоническая страсть, зачастую носящая сексуальный характер, гипнотический сон, заговорно-заклинательный фольклор, символический хронотоп местности (Лысая

гора) являются составляющими элементами языческого мифа; проблема покаяния, жертвенности – христианского мифа.

Значительно при всем этом влияние оссианических мотивов. Поэтика «грозного мужества» с кодексом чести и верности Отечеству, присущая оссианизму, находит свое отражение в лице лихого казака Федора, героя, воевавшего с казачьим полком против утеснителей Малороссии. Вернувшись домой героем, Блискавка берет в жены молодую прекрасную Катрусю. Отношения их проникнуты глубоким психологизмом любви и верности, нежностью и страстью. Идиллически рисуется жизнь Федору: «И жаркие ласки, и пламенные поцелуи, и угодливость ее мужу своему, и досужество в домашнем быту – все было по сердцу нашему казаку» [4, с. 100]. Смущают его только непонятная грусть, тяжкие вздохи и слезы жены под исход месяца. Меланхолично-печальное состояние Катруси, недоговоренность и внутреннее переживание, также как показательные черты оссианизма, заставляют читателя погрузиться в рефлексии героини и вместе с ней преодолевать эти тяготы. Сама Катруся, скрывая от мужа истинную суть вещей, объясняет свое поведение наложенной на нее в детстве порчей. В действительности же трагедия глубже: героиня насильно обращена в ведьму.

«Древние славяне были язычниками и десять веков православия не затмили глубинные знания русского народа о природе вещей и мироздания» [9, с. 422]. Суеверия, приметы, заклинания – все это церковная догматика не смогла искоренить. Христианство, пришедшее на подготовленную язычеством почву, в значительной мере изменило верование древних славян. В прошлом осталось поклонение идолам и духам природы, оно стало восприниматься как языческая архаичная мифология, но, впрочем, не исчезло.

Архаические народные поверья признавали способность определенных женщин (и мужчин) творить maleficium – черную магию, причиняя вред здоровью, жизни и имуществу людей. Так возник в древних поверьях феномен ведьмовства.

Ведьмы – в мифологических представлениях Средневековья колдуньи, обладающие магическим знанием. Они наделялись способностями воздействовать на природу и человека (ведовство) и совершать сверхъестественные поступки – становиться оборотнем, проникать сквозь запертые двери, летать по воздуху, похищать сердца у людей, вызывать болезни, наводить порчу на скот и урожай. Им приписывали способность заключать союз с дьяволом и служить ему, вступать с ним в половые сношения и совращать верующих, губя их души.

Яркие примеры, восходящие к этой древней мифологии, находят свое отражение в повести Сомова. Автор с точностью воссоздает образ славянской ведьмы на примере Катруси. Киевская Русь обладала обширным заговорно-заклинательным фольклором: Катруся вначале готовит зелье, шепчет слова, заговаривает его. Ведьмы, заметим, помимо этого наделялись и способностью вызывать и насылать грозовые тучи, вихри, град, похищать росу, дожди, небесные светила: «Когда в горшке вода закипела белым ключом, то над ним как будто прошумела буря, как будто застучал крупный дождь, как будто прогремел сильный гром» [4, с. 101]. Также любая ведьма с помощью специальной мази и метлы могла летать, отправляясь в путь непосредственно через печь: «Тут Катруся поспешно натерлась какой-то мазью и улетела в трубу» [4, с. 101].

Рисуя образ ведьмы, О. Сомов дополняет картину элементами бурного оссианического пейзажа. Это и бурное кипение в котле, и шум бури, и стук дождя, и раскаты грома. «Составные части грозного, или бурного... пейзажа сдвинуты со своего обычного места... Все рвется за свой предел, одержимо буйной, разрушительной силой» [10, с. 144]. Бурный пейзаж раскрывает неукротимую, бушующую природу во всем ее величии, олицетворяет демонические силы.

Непосвященного в таинства ведьм человека многое ужасает. Находит в повести прямое свое отражение и оссианическая поэтика страшного, грозного. Сонм чувств, от жгучего любопытства до экстатического страха и отвращения, испытывает следящий за своей женой Бли-

скавка. Казак, по примеру Катруси, готовит себе зелье, намазывается им и, подхваченный неведомой силой, отправляется в путь.

Символичен хронотоп действия, преобразующийся в контексте интересующей нас мифологической поэтики. Здесь имеет смысл вспомнить наблюдение Вл. Топорова: «Как и в космологической схеме мифопоэтических традиций, пространство и время не просто рамка (или пассивный фон), внутри которого разворачивается действие; они активны (и, следовательно, определяют поведение героя) и в этом смысле сопоставимы в известной степени с сюжетом» [8, с. 201].

Местом разворачивающегося действия в повести О. Сомова становится Лысая гора, временем – ночь. Следует отметить, что Лысая гора – это реально существующая историческая местность на территории Голосеевского района современного Киева. Именно она в произведении предстает самым известным местом шабаша ведьм. Кроме того, немаловажно и символично, что словосочетание «лысая гора» передает буквальный смысл названия «Голгофа». Как известно, согласно Евангелию, Христос был распят на Голгофе. Характерна в итоге яркая антихристианская направленность названия «лысая гора». Ведьмины шабаша характеризуются языческими ритуалами и антихристианскими обрядами (зачастую имеющими сексуальную подоплеку), о которых отзываются не иначе как о «богомерзких» и «протиестественных». Некий дуализм в восприятии массовым сознанием образа «лысой горы» как, с одной стороны, священного для всех христиан места распятия Христа, куда стекаются толпы паломников со всех уголков мира, а с другой стороны, как места, где проводятся антихристианские и дьявольские обряды, представляется особенно интересным.

Вл. Топоров отмечает в этой связи общую проблему усложнения и сакрализации пространства: «Решение задачи может происходить лишь в сакральном центре пространства» [8, с. 195].

На Лысой горе как раз происходит испытание-поединок героя с нечистой силой. В основе универсальных мифопоэтических схем лежит решение некоей основной задачи, от которой зависит все остальное. Необходимость ее выполнения возникает в той или иной кризисной ситуации, когда спокойствию, организованности, предсказуемости угрожает превращение в хаос. При этом решение поставленной задачи возможно лишь через испытание-поединок двух противоборствующих сил. Только благодаря этому может быть найден ответ на основной вопрос существования.

В повести О. Сомова находим следующее описание поединка: *«В минуту все всполошилось: нечистые духи, ведьмы, колдуны, упыри, русалки – все бросились искать с зверскими, кровавыми глазами, с пеною бешенства на губах. И Катруся – Катруся была из первых! Сердце замерло у Федора, холод пронимал его до костей. "Теперь-то, – думал казак, – настал мой смертный час!" Прижавшись вплоть к земле за дровами, он, ни жив ни мертв, выглядывал исподлобья»* [4, с. 106-107]. В данном случае можно провести параллель с героической поэтикой оссианизма. Скованный страхом и ужасом увиденного, Федор тем не менее, как истинный оссианический герой, находит в себе силы взглянуть опасности в глаза, и от всего сердца желает нечисти провалиться в тартарары за насмешки над церковными обрядами и добрыми людьми. Безусловно, силы противоборствующих сторон неравны. Если бы не помощь Катруси, накинувшей на Федора свою намитку и таким образом перебившей человеческий запах, он не смог бы спастись.

Утренний разговор молодой четы раскрывает немаловажную сторону христианской мифологии и феномена религии в его оссианическом прочтении. Мотив христианского покаяния и мифология скорби пронизывают весь рассказ Катруси. Она полюбила казака, и шабаша становятся для нее в тягость. Православная церковь видится ей единственным спасением и является последней надеждой: *«Как бога с небес, ждала я страстной недели: тогда кинулась бы я в ноги чернецам божьим и упростила бы их, чтобы заперли меня на все последние три дня*

в Пещерах, до самой воскресной заутрени, и отмолили бы от меня бесовское наваждение...» [4, с. 108]. Но Катруся не успевает этого сделать, согласно клятве ведьмы, она должна была «высосать до капли кровь его» [4, с. 108]. Федор, тронутый слезами жены, умирает сладкой смертью.

Мифология жертвенности и скорби не оставляют иного финала и для Катруси. Меланхоличный оссианический настрой подчеркивает печальный сюжет. Любовная история не имеет счастливого конца. После испытания погибает герой, не остается иного выхода и у его возлюбленной. Ведьмы сжигают ее на костре Лысой горы «...за то, что она отступилась от кагала и хотела, принеся христианское покаяние, пойти в монастырь» [4, с. 109], дабы хоть на том свете быть рядом со своим мужем.

Обращаясь к мифологии древнего Киева, фольклору, автор обращается к народным корням. Образы славянской языческой мифологии подвергаются прямому или опосредованному осовремениванию, приобретают национально-психологические характеристики заимствующего народа. В мифе Киевской Руси были все типичные элементы всякого мифа: фантастические образы, страх перед ними, живая простая форма рассказа, историческая, этиологическая или моральная функции и перенесение в эту «сверхъестественную форму» рефлексов реального мира. Оссианическое влияние с его поэтикой меланхолии, глубокого лиризма, героического пафоса, переплетаясь на национальной почве с элементами язычества и христианства, создает удивительную картину мира Малороссии.

Подводя итог, можно отметить значительное влияние оссианической традиции на творчество О. Сомова, в частности, в выбранной нами повести «Киевские ведьмы». О. Сомов раскрывает в своем произведении основные концепты оссианизма: это и мрачный пейзаж Лысой горы, и бушующие дьявольские стихии, сопровождающие действия ведьм, и ночь как основное время действия. Не отходит Сомов и от традиции глубокой меланхолии и сладкой скорби, отражающихся в отношениях молодой четы. Смерть героя влечет за собой смерть его возлюбленной, и если бы не сожжение ее на костре, Катруся бы умерла от тоски по любимому, ибо не представляла себе жизнь без него. Однако Сомов по-новому трансформирует в своей повести оссианическую героиню; мотив поединка-испытания носит завуалированный характер, скрываясь в сложной душевной борьбе Федора с нечистью. Но честь и мужество казака, верность своим взглядам и идеалам, несомненно, ставят его в один ряд с великими героями Оссиана. Вводит Сомов и мотив покаяния как основной путь спасения Катруси и надежды на новую счастливую жизнь, которой, к сожалению, согласно оссианическим традициям не смогли увидеть Катруся и Федор. О. Сомов вносит в украинский оссианизм совершенно новое, он связывает его с картиной национальной украинской мифологии.

Литература:

1. Левин Ю. Д. Оссиан в России. – Л.: Наука, 1983.
2. Маслов В. И. Оссианизм Карамзина / В. И. Маслов. – Прилуки: Б.и., 1928.– 16 с.
3. Петрунина Н. Н. О. М. Сомов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990.
4. Сомов О. М. Купалов вечер: Избр. произведения / Сост., предисл., примеч. З. В. Кириллук. – К.: Дніпро, 1991. – 558 с.
5. Сомов О. М. Обзор российской словесности за 1827 год. Северные цветы на 1828 год. – С. 56-57.
6. Стеблин-Каменский М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.
7. Степанов Н. Л. Прозаики двадцатых – тридцатых годов [XIX века] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. VI. Литература 1820–1830-х годов. – 1953. – С. 501-562.
8. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в обл. мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс. Культура, 1995. – 623 с.
9. Энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 1007 с.
10. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии: Науч.-попул. – М.: Высш. шк., 1990. – 330 с.

Анотація

**О. ПАШКУРОВ, Г. КОЧЕТКОВА. ОССИАНИЧНА МІФОЛОГІЯ
У ПОВІСТІ О. М. СОМОВА «КИЇВСЬКІ ВІДЬМИ»**

У статті розглядається проблема оссианічної міфології та її вплив на творчість О. Сомова на прикладі повісті «Київські відьми». Поетикальні особливості твору розглядаються у контексті літературних явищ межі XVIII-XIX ст. Зазначено, що О. Сомов вносить до оссианічної міфології нові моменти: трансформує героїку, вводить проблему покаяння, пов'язує оссианізм у прозі з національною українською міфологією.

Ключові слова: оссианічна міфологія, християнство, язичництво.

Аннотация

**А. ПАШКУРОВ, Г. КОЧЕТКОВА. ОССИАНИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ
В ПОВЕСТИ О. М. СОМОВА «КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ»**

В статье рассматривается проблема оссианической мифологии и ее влияние на творчество О. Сомова на примере повести «Киевские ведьмы». Поэтикальные особенности произведения рассматриваются в контексте литературных явлений рубежа XVIII-XIX вв. Отмечается, что О. Сомов вносит в оссианическую мифологию новые моменты: трансформирует героику, вводит проблему покаяния, связывает оссианизм с национальной украинской мифологией.

Ключевые слова: оссианическая мифология, христианство, язычество.

Summary

**A. PASHKUROV, G. KOCHETKOVA. OSSIANIC MYTHOLOGY
IN THE STORY «THE WITCHES OF KIEV» BY O. M. SOMOV**

The article studies the problem of ossianic mythology and its influence on O.M. Somov's creativity on the material of his story „The witches of Kiev”. Poetics peculiarities of the story are considered in the context of literary phenomena of the XVIII-XIX centuries. It is accented that Somov brings new aspects into ossianic mythology: he transforms heroics, introduces the issue of repentance, connects ossianism with Ukrainian national mythology.

Key words: ossianic mythology, Christianity, heathenism.